

Часть первая

ТРИТИЕВАЯ АНОМАЛИЯ

В американском «Меморандуме-329», составленном в сентябре 1945 года, Комитету начальников штабов США предлагалось «отобрать двадцать наиболее важных целей, пригодных для атомной бомбардировки СССР и контролируемой им территории». В списке городов, обреченных на уничтожение вместе со всем населением, оказались Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Нижний Тагил, Магнитогорск, Тбилиси, Новокузнецк, Пермь, Грозный, Иркутск, Ярославль. Количество предполагаемых жертв определялось в 13 миллионов человек. В 1957 году в планы Пентагона входили разрушение и убийство жителей уже 200 городов нашей страны. В марте 1980 года президент США утвердил план «СИОП-5Д», в соответствии с которым по Советскому Союзу предполагалось нанести 40 тысяч ядерных ударов!

Известные «великие» приватизаторы оценили всю промышленность СССР в один триллион долларов. Между тем, по данным специалистов по урану, стоимость лишь одного «Атомного проекта СССР» превышала четыре триллиона долларов, что соответствовало аналогичной сумме расходов на «урановую» программу в США. Этот паритет долгое время являлся залогом безопасности нашей страны...

УРАНОВЫЙ ДИВЕРСАНТ

В данный момент в России разрабатывается лишь одно месторождение природного урана, дающее ежегодно 3,2 тысячи тонн стратегического ресурса, тогда как требуется не менее 16 тысяч тонн. Огромный дефицит компенсируется за счет запасов урана, сделанных во времена Советского Союза. Однако рано или поздно эти запасы закончатся. Несомненно, положение могли бы спасти разработка законсервированных и дальнейшая разведка новых месторождений урана.

ПРОЛОГ

**Россия, Краснодарский край,
окрестности поселка Дзыхра
1 июня**

— Брось коногон в ведро — темновато становится, — донесся снизу голос, звучавший, точно из преисподней.

Толик опрокинул емкость, высыпая грунт подалее от ствола вентиляционной шахты, и метнулся из-под навеса к раскидистому кустарнику — туда, где лежало барахло. Отыскав в куче снаряжения шахтерский фонарь, аккуратно пристроил его на заляпанное влажной глиной цинковое дно.

— Принимай! — присел он на колени и, пытаясь рассмотреть в темноте вертикальной норы товарища, стал травить веревку.

— Есть!.. — ухватил тот посылку.

Через минуту внизу заметался слабый желтый луч и снова послышался звук врезавшейся в суглинок короткой лопаты.

В ожидании очередной команды Толик подпалил

сигарету, затянулся, окинул взглядом лесистую окрестность, разрезанную неширокой и уже отчасти заросшей просекой. Эта просека, вовремя примеченная опытным Димкой, и привела к законсервированной шахте...

Ну и занесло же их! Рассказать кому — не поверят. Краснодарский край; до границы с Абхазией рукой подать. Начало лета, а здесь даже по ночам жарыща — градусов двадцать пять, не меньше. А как добирались до Адлера! А как потом топали больше двадцати километров к окрестностям села Дзыхра, груженные сорокакилограммовыми шмотниками, доверху набитыми спелеожелезом и приспособлениями для вскрышных работ. Жуть!.. Проклиная рисковую затею, Толик изнывал от пекла и усталости, поминутно спотыкался и стирал с пыльной рожки грязный пот... Но Диман, гонимый призраком надежды, всю дорогу рассказывал о былых подвигах, подбадривал, помогал и широко улыбался.

Да, Димка-Светодиод — настоящий спелеонавт! Без его опыта и закалки ствол законсервированной шахты никто не заметил бы вовек. И только он сначала безошибочно свернул с тропы на просеку, а потом углядел неприметную забутовочку, основательно присыпанную прошлогодней листвой...

Теперь же засыпанная кем-то нора выглядела, как положено: сверху над разведочным шурфом колышется реп, закрывая полиэтиленом яму от возможных осадков; над дырой устойчиво лежит приличной толщины бревно с блоком, подъемной веревкой и штурмовой лестницей; рядом — в двух шагах разбит лагерь, если таковым можно назвать

сваленные в кучу вещи; загодя приготовленный костерок обложен бревенчатым «пентагоном». Все это сооружалось Толиком, но команды с неспешной уверенностью отца-основателя московского спелеоэтноса отдавал Димка-Светодиод...

— Вира! — послышалось снизу. И пока начинающий диггер послушно поднимал очередную порцию светлого грунта, задергалась лестница, а следом за ведром на поверхности показалась усталая, но довольная физиономия Светодиода.

— Антракт, — выдохнул тот, отползая на карачках от дыры. — И двести грамм противонепогодных. Срочно, Толян!..

— Ща сделаем, — усмехнулся моложавый напарник и кинулся выполнять указание.

«Противонепогодные» — любимое выражение Димки. Какая бы ни стояла теплынь с безветрием, он все одно отыщет повод вставить его и тут же опрокинет предложенный стаканчик водяры.

«Ладно, чего уж — и мне не помешает долбануть за компанию», — повеселел Толик, разливая по кружкам алкоголь.

И все же он был в восторге от сумасбродной поездки на юг, походившей на путешествие с чередой сплошных приключений: то передвижение короткими рывками на пригородных электричках, то на поездах дальнего следования, то автостопом. Где-то «зайцами», где-то за бутылку той же водки, а иной раз и бесплатно, пользуясь добротой проводниц или снисходительностью пожилых дальнобойщиков. А порой приходилось топтать собственными ножка-

ми, сгорбившись под тяжестью невыносимо тяжелых рюкзачей...

«Да, сейчас уж позабылись те сложности, из-за которых временами хотелось выть. Теперь настал черед самого интересного и главного, — улыбаясь, протянул он кружку. — Будет что вспомнить и рассказать пацанам!»

— Ну, за хорошую погоду, — выдохнул Димка.

— И за удачные вскрышные работы, — поддержал напарник.

— Спокуха, Толян. — Пустая кружка звякнула донышком о камень; приятель утер кулаком губы и смачно зажевал куском батона. — Носом чую: с метр суглинка осталось; дальше пойдет звонкий, как металл, камень. Копать станет труднее, зато после... — Он сделал значимую паузу. И торжественно продолжил: — После нам откроются все местные подземные окоемы — километры, не топтанные ногой спелеолога!..

У Толика захватило дух от спокойной убежденности старшего товарища. Раньше столько доводилось слышать жутковато-завораживающих рассказов о подземных системах, что в эту минуту желание молодого диггера прорваться вниз — к штольням и бесконечным штрекам достигло апогея. Тот же Светодиод по дороге на юг десятки раз излагал историю освоения подмосковных Бяк в окрестностях Венёва — каменоломни общей протяженностью около ста километров; без усталости повествовал о тектонических трещинах, опасных пльвунах и необычайной красоте спрятанного от людских глаз мира. С неподражаемой страстью говорил о неведомых лимонно-про-

УРАНОВЫЙ ДИВЕРСАНТ

зрачных игольчатых сталактитах; о пещерных потолках, сплошь покрытых друзами кристаллов кварцита...

— Ниже углубляться сегодня не будем. Остановимся на этом уровне, — деловито молвил Димка. — До ужина займемся укреплением стен — мы и так превысили все мыслимые нормы безопасности для бескрепежного шурфа.

— Считаешь, порода может обвалиться?

— Х-хех, еще как может! Ухнет сверху пара кубиков и — готова могилка. Нет, Толян, со смесью глины и песка шутить нельзя.

— Ты же говорил, что до появления плавунца бояться нечего.

— Так в том-то и дело, что уже докопался.

— Докопался?! Правда? — вмиг загорелся азартом Толик.

— Правда, правда... Из прогиба мокрый песок вовсе сочтется. Полноценным пловуном его не назовешь, но это, знаешь ли... тоже весьма неприятное «явление породы». Так что готовь бревна...

Поставленную утром задачу к заходу солнца они все же выполнили.

На выровненных стенах расширенного до полутора метров шурфа отчетливо виднелись геологические слои. Отверстие плавунца было основательно забито светло-серой глиной; в шурфе никакой лажевой крепи и горизонтальных «турников» — все честь по чести, по суровым правилам хоть и самодеятельных, но серьезных копательно-вскрышных бригад.

И самое главное — внизу, при расчистке дна от

рыхлого грунта, появился тот самый звонкий, как металл, камень, пропитанный сочившейся сверху водой. Монолит, коего не касалась рука человека. С ним-то и предстояло бороться завтра. А сегодня, наскоро поужинав под кассету с песнями боготворимого спелеонавтами Миши Басина, приятели улеглись спать.

Однако сон долго не шел: возбуждение отгоняло негу, будоражило сознание и заставляло таращить глаза в усыпанное звездами небо. Димка ворочался, а Толик, пользуясь случаем, расспрашивал о последней экспедиции. Прошлым летом Светодиод в составе опытной команды два месяца кряду исследовал пещеры на плато Арабика, находившемся в нескольких десятках километров к востоку отсюда — в соседней Абхазии.

— Отличные места, — мечтательно вздыхал Диман. — Илюхинскую пещеру излазили вдоль и поперек. Она ведь там самая длинная — тысяча двести сорок метров.

— Здорово, — мелко кивал в ответ молодой приятель. — Жаль, что мы только полгода знакомы, а то бы и я с тобой прошлым летом в Абхазию поехал. Представляю, сколько вы оттуда привезли впечатлений!

— Да, впечатлений хватало. Но особенно запомнились короткая Сарма и Генрихова бездна.

— Генрихова бездна? Это тоже пещера?

— Пещера. Да еще какая! Она чуток поменьше Илюхинской — километр с небольшим, но зато красотыща — закачаешься! А в Сарме — ты только представь: узкие — человек еле протиснется — меандры

УРАНОВЫЙ ДИВЕРСАНТ

высотой метров под пятнадцать; бесчисленные лабиринты ответвлений, внутренние гроты с минералами всех мастей по стенам и потолкам. А вокруг тысячетлетняя тишина...

— Да-а... Представляю. Здорово!

— Тихо! — вдруг оборвал его друг.

Оба замолчали. Прислушались...

Что-то прошуршало над головами — прямо в бездонной черноте ночного неба.

— Не понял, — прошептал Светодиод, — птица, што ль, какая?

— Похоже. И, должно быть, очень большая.

— Черт, совсем близко пролетела — прямо над башкой...

— Я где-то читал, что в этих краях водятся филины и огромные совы — неясны, — еле слышно произнес Толик, — размах крыльев — около двух метров.

Димка поежился, словно от внезапного дуновения ледяного ветерка:

— Ладно, давай спать. Завтра тяжелый денек — надо хорошенько отдохнуть...

* * *

И снова с раннего утра закипела работа.

В темном шурфе, как обычно, копался Диман. Глубина ствола стала приличной, да еще солидный крепеж изрядно закрывал доступ дневного света, поэтому на башке его постоянно горел коногон.

Не скучал наверху и молодой приятель: разыскивал в лесу добротные стройные деревца, аккуратно срубал их, очищал от ветвей и стаскивал к «норе».

Успевая при этом прибегать на зов «из преисподней» и поднимать ведра, наполненные раскрошенным камнем.

Сделав очередной рейс, он припер два отменных бревнышка, вытянул из шахты грунт, вернул пустое ведро и, весело помахивая топориком, сызнова направился в густой лесочек. Углубившись в заросли, принялся отыскивать деревце с раздвоенным стволом — сию рогулину для крепежа только что приказал доставить Димка.

Парень придиричиво рассматривал растительность, вертел головой, ходил кругами...

И вдруг, обернувшись назад к лагерю, остановился как вкопанный — случайно устремленный меж деревьями взгляд внезапно уловил какое-то движение.

«Диман, что ли, поднялся? — ворвалась в сознание первая же мысль. — Вроде не собирался! Или опять захотел двести грамм противонепогодных?..»

Он сделал один неуверенный шаг в обратном направлении, другой, третий...

И снова остановился.

В пространстве меж листвою кустарника стало отчетливо видно двух крепких мужчин в необычной одежде. То ли специальные комбинезоны, то ли военная камуфлированная форма... Головы облачены в необычные шапочки с вырезами для лиц — раньше доводилось видеть такие в остросюжетных фильмах. Но, пожалуй, самым главным элементом, бросившим в холодный пот, было оружие. Оба держали наготове короткие автоматы.

Толик от неожиданности присел, инстинктивно спрятался за кустом, затаил дыхание. Но смешанное

с любопытством беспокойство заставило вытянуть шею, выглянуть из-за трепыхавшейся на слабом ветерке листвы.

«Черт! Кто они такие? — неистово зашлось сердце. — Чья-то охрана? ОМОН? Или еще бог знает какие спецслужбы?.. И что им от нас надо?! Может, мы случайно забрели на территорию охраняемого объекта? Может, здесь нельзя копать?.. И поэтому к нам пожаловали эти вооруженные ребята?..»

Однако то, что довелось увидеть в следующую минуту, враз заставило позабыть все вопросы. Позабыть, чтобы думать только об одном — о собственном спасении.

Один из мужчин скинул с плеча ранец защитного цвета, осторожно приблизился к «норе», направил вниз толстый ствол автомата и... от лагеря послышалась очередь негромких хлопков.

— Он стреляет!.. — прошептал побелевшими от волнения губами Толик. — Стреляет!.. А там внизу Димка!

Да, мужчина определенно палил в Светодиода — от автомата вверх и вправо фонтаном полетели стреляные гильзы, а от ствола пошел сизоватый дымок.

Но внимание сидевшего в кустах парня тотчас переключилось на другого незваного гостя. Этот тип тоже бросил в траву свой ранец, переложил в правую руку точно такой же автомат и, хищно озираясь по сторонам, напрямиком направился к лесочку.

«О черт!.. — едва не сел на пятую точку Толик. — Кем бы ни были эти гости — они наверняка следили за нами из зарослей. А значит, им известно не только о Димке, но и обо мне! Господи, что же делать?».

Тем временем второй мужчина на пару секунд задержался у самой опушки, прислушиваясь, слегка наклонил голову и обвел внимательным взглядом ближайшие заросли. После чего осторожно направился прямо к тем кустам, за которыми прятался молодой диггер...

Глаза парня расширились от животного страха.

— Бежать! Срочно отсюда бежать!! — прошептал он, пятясь назад.

И, позабыв о лежащем под рукой топорике, охваченный ужасом, ломанулся через кусты в глубь леса. Ломанулся, не разбирая дороги; не заботясь о треске ломающихся под кроссовками сухих сучьев; не понимая, куда бежит и удастся ли спастись...

Ему было все равно, лишь бы поскорее и подальше убраться от этого кошмарного места. Лишь бы поворачивать самых обычных людей, соседство с которыми до сего часа так избегали с бедным Диманом.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Российско-грузинская граница

2 июня

День был хмурым, ветреным и дождливым. Тяжелую облачность быстро несло с юго-запада; пролетая над головами бойцов, клочки серых облаков цепляли острые горные вершины.

— Ну, что за гадская погода?! — кряхтел замыкающий, в задачу которого входил обзор заднего сектора. — Из-за нее лишились всего: спокойного перелета на «вертушке», сухой одежды, нормальных привалов, горячего чая...

Вряд ли кому-то в чеченских горах пришло бы в голову висеть на хвосте и выслеживать усиленную группу хорошо вооруженных спецназовцев. Да еще в такую хреновую погоду. Однако обязанности надлежало выполнять; к тому же выручала привычка — не первый год мотался с парнями по горам да лесам. Вот и оглядывался через каждую минуту, рискуя при этом поскользнуться и проехаться на заднице добрую сотню метров вниз по раскисшему склону.

Вообще-то по специальности он был снайпером, и, как поговаривали, — неплохим. Вырос в одном из поселков западносибирской тайги, с оружием ладил с детства. С детства же отец приучил к охоте, к лесу, к тяготам и лишениям походной жизни... Потому сейчас даже при коротком взгляде на его обмундирование, снаряжение или оружие любой мог тотчас приметить недюжинную хватку и подход к делу настоящего сибирского мужика. Каждый ремешок, каждая застежка подогнаны под фигуру и размер: ни одной лишней детали. Пластмассовый приклад «СВД-С» сложен; винтовка висит за спиной стволом вниз; пламегаситель с пятью продольными прорезями надежно схвачен презервативом зеленоватого (!) оттенка; выдвижная бленда закрывает объектив оптики, и тем не менее прицел целиком укутан целлофаном...

Похоже, и командир сумел разглядеть в нем качества цельного, правильного человека, оттого и ставил замыкающим — все же работенка требовала ответственности, опыта и наметанного глаза.

Да, командир у них был особенным человеком. Не такой уж и старый по сравнению с командованием бригады — лет двадцать семь. Немногословный, деловой и прожженный. Успевший немало повоевать...

Поправив на плече ремень винтовки, сержант улыбнулся, припомнив знакомство с этим человеком, когда с группой таких же салаг прибыл после подписания первого контракта в бригаду специального назначения. Старшина роты живенько их построил, доложил стремительно подошедшему коренастому капитану. А тот, не мудрствуя лукаво, с ходу огорошил:

— Итак, отныне вы бойцы спецназа. Посему засуньте в жопу все свои желания. Все! Кроме одного: желания выжить. Но не просто сохранить свою ничемную жизнь, а выжить ради выполнения поставленной мной задачи. Я научу вас выживать в любых условиях. Командиры взводов мне помогут. А потом вы скажете за эту науку спасибо. Тех, кто не выдержит, вышибу из подразделения. И каждому отпишу письмоцо на родину: «Ваш сын героически проявил себя во время мытья бабского сортира при штабе». Напоследок предупреждаю всех: учеба будет несладкой — каждый из вас про себя тысячу раз пожалеет, что напросился в мою роту...

И ведь прав оказался капитан Миронов: на войне нужно только одно умение — выживать. А все прочие являются вторичными. Яростная борьба за сохранение тела естественным образом тянет за собой остальное: дух, дисциплину, самоконтроль, профессиональные навыки...

Да, если бы не низкая облачность с паршивой видимостью, то группа давно бы добралась с помощью вертолета к перевалу — туда, где пограницы заперли в какой-то лощинке небольшой караван. За-

УРАНОВЫЙ ДИВЕРСАНТ

перли, да толку с того не поимели — до зубов вооруженные «духи» дружно огрызались и выходить из лощинки с поднятыми руками не собирались. По этой причине командование скоренько и снарядило в помощь пограничникам два десятка «спецов».

— Привал! — донеслась по цепочке команда старшего.

Коренастый капитан наконец сжалился над подчиненными: остановился на крохотном ровном уступе, сбросил с плеч ранец и повелел отдыхать. На долгий отдых рассчитывать не приходилось. Минут пятнадцать-двадцать, и командир сызнова поднимется, молча закинет за спину «вал» и так же молча пойдет дальше — догоняйте. Капитан вообще поражал немногословностью, потому все наперед старались понять каждый его взгляд, каждое движение...

Доковыляв по грязи до остановившейся группы, снайпер уселся на сырой округлый валун, аккуратно устроил оружие на коленях. Есть и пить не хотелось, сигареты доставать из кармашка разгрузочного жилета не стал — пока прикуришь, табак превратится в кашу. Потом лезь в непромокаемое отделение ранца за новой пачкой...

«Просто посижу — отдышусь», — решил парень, утирая мокрое лицо облаченной в короткую перчатку ладонью.

* * *

Стрельбу они услышали задолго до того, как добрались до перевала. Командир группы тут же связался по рации с погранцами и уточнил дислокацию. Потом уж окликнул прапорщика с сержантом и сго-

ворился подбираться к месту затяжной перестрелки с трех сторон.

Так и поступили: три отделения, снабженные миниатюрными радиостанциями, разошлись в разных направлениях. Это был давно отработанный и надежный прием, когда два-три подразделения внезапно атакуют перекрестным огнем упорно сопротивляющуюся банду. Подобная тактика всегда исправно срабатывала: помимо нанесения ощутимого урона, она оказывала еще и деморализующий эффект — противник под градом летевших со всех сторон пуль начинал метаться и паниковать. Именно на это и рассчитывал молодой капитан...

Настроение офицера спецназа испортилось. И без того серое — три дня не знавшее бритвы лицо потемнело; под карими глазами обозначились мешки; лоб прочертили морщины...

Расчет не оправдался.

На сей раз «духи» — остатки какой-то банды использовали весьма странную стратегию противодействия. Точнее, не странную и не привычную для мелких партизанских соединений, а весьма грамотную и неожиданную, словно руководил бандитами не заурядный полевой командир, а человек, за плечами которого были и учеба в продвинутой академии, и немалая практика участия в локальных войнах. Так или иначе, но подразделение спецназа натолкнулось на чрезвычайно упорное сопротивление.

Пограничников к моменту подхода «спецов» оставалось человек восемь, и все, на что были способны парни с ближайшей заставы, — не дать против-

нику спокойно свалить за перевал, на территорию сопредельной Грузии.

Встретивший у перевала старлей-пограничник сразу предупредил: в банде парочка отменных стрелков; «духи» отвлекают — вызывают огонь пограничников на себя, а те высовываются на пару секунд и лупят, почти не прицеливаясь, из какого-то скорострельного оружия. Причем появляются то в одном месте лощины, то в другом. И лупят так, что половину отряда уже перебили.

Капитан Миронов поначалу скептически усмехнулся: откуда такие спецы в чеченской банде? К тому же и в его-то группе хороших стрелков хватало...

Однако скоро убедился в правоте старшего лейтенанта, когда очередной рядовой страж границы схватился за простреленную шею и захрипел.

Подставлять своих людей в этом «дьявольском тире» капитану спецназа страсть как не хотелось. Многие парни прошли одну, а кое-кто и обе чеченские кампании — не хватало кому-то сложить голову здесь, на границе, когда от настоящей войны остались одни воспоминания.

— Ну, что решил, капитан? — распластавшись рядом на камнях, справился старлей.

— А ты сам-то как думал выбираться из этого дерьма, если бы мы не подошли? — спросил в свою очередь тот, осторожно наблюдая за краем лощины.

— Хрен его знает. Я уж раз пять запрашивал помощи у начзаставы. Обещал подослать людей... А что тут еще придумаешь?

— А ты в курсе, что через два часа стемнеет?

Пограничник кивнул.

— Прицелы хотя бы ночные есть? — продолжал пытаться молодого офицера спецназовец.

— Есть. Один...

— Во, мля, вояки!..

Покачав головой, он сызнава выглянул из-за камней — боевики на время затихли.

Лощина представляла собой извилистую низину, беспорядочно петлявшую около двухсот метров по седловине, соединяющей две соседние вершины. Собственно, эта седловина и являлась пограничным перевалом — чуть ближе к левому пику виднелась караванная тропа, ровной дугой огибающая ту прореху, где нашли прибежище «обезьяны».

— Мысли имеются? — с надеждой спросил старлей.

— Имеются. О горячей бане, холодной водке и голых бабах, — потер переносицу Миронов. — Сейчас попробуем выкурить их с помощью подствольников.

С минуту ушло на связь с двумя группами, занявшими позиции слева и справа от лощины. И вскоре парни, вооруженные обычными «калашами» с подствольниками, с дистанции метров в триста начали забрасывать в чертову низинку один за одним небольшие заряды. Послышались резкие хлопки; над перевалом поползло облако белесой пыли...

— Все, командир, я отстрелялся — больше ни одного заряда, — доложил старший сержант из первой группы.

Следом аналогичный доклад прошел из другого отряда.

— Так, проверим результат, — малость повеселел

пограничник и скомандовал своим бойцам: — Пошли, ребята! Рассредоточились, остороженько, ползком — голову выше жопы не поднимать!

— Парни, погранцы идут вперед — поддержите огнем! — распорядился по рации капитан.

Остатки пограничного войска, возглавляемые офицером, двинулись к ложине. Однако не прошло и полминуты, как оттуда вновь слышались автоматные очереди. И опять бандиты использовали тот же прием: отвлекающая стрельба с трех-четырех точек и беглый разящий огонь из скорострельного оружия.

Увы, очередная попытка оказалась столь же провальной, как и все предыдущие.

— Твою мать! — выругался старлей, откатившись назад — за каменную гряду. Меня магазин в автомате, крикнул: — Видел, что творят, суки?!

— Видел, — покусывая губы, ответил спецназовец.

Окинув взглядом скалистые склоны, что-то прикинул, сплюнул тягучую слюну, утер рукавом подбородок и нажал на рации кнопку «передача»:

— Рябина, слышишь меня?

— Слышу, командир, — прошипел в ответ приемник.

— Давай, дружище, вся надежда только на тебя, а то через час стемнеет.

— Запросто, командир.

— Вот и отлично. Выбери на любом удобном склоне местечко и раскроши тыквы этим ворошиловским стрелкам.

— Всех класть или кого оставить?

— Начни с этих гребаных автоматчиков. А дальше посмотрим.

— Не вопрос, командир...

* * *

— Черт бы вас побрал! — бурчал тощий поджарый мужик лет сорока — один из двоих пожаловавших на перевал гостей в камуфляже и без знаков различия на погонах. — Надо ж помимо боевых навыков и мозги иметь!

— М-да... Мышцам извилины ни к чему, мышцы должны быть гладкими и объемными, — чесал затылок его коллега — полный шатен лет сорока пяти. — Задали бойцы нам задачу!..

Старлей-пограничник хлопотал возле раненых подчиненных и ждал пограничную «вертушку». Командир группы спецназа расхаживал поблизости от прибывших сотрудников контрразведки и молча играл желваками, слушая их негодующие слова.

Погодка наконец-то наладилась: морозящий дождь закончился, небо прояснилось, ветер стих; сквозь медленно ползущие облака проглядывало вечернее солнце. Сии атмосферные изменения позволили после короткого доклада по радио о ликвидации каравана примчаться с равнины транспортной «восьмерке». На ее борту помимо местного начальства и прибыли офицеры контрразведки. Оба бегло осмотрели собранное и уложенное ровным рядочком оружие бандитов, обратив особое внимание на два скорострельных автомата незнакомой конструкции, с навинченными для увеличения дальности стрельбы стволами. А потом заинтересовались двумя трупами

мужчин явно не кавказской национальности. Оба были убиты выстрелами из снайперской винтовки в голову...

Сержант Рябина сидел в сторонке. Надув губы и не понимая причин обозленности залетных господ, десятью минутами ранее наоравших на него, он разобрал винтовку и остервенело протирал промасленной тряпицей затворную раму...

— Взгляни, — обмолвился поджарый контрразведчик.

Толстый оставил ранец из плотного капронового материала и обратил взор на странную жестяную коробочку, наполненную каким-то желтоватым суглинком.

— И флакон с жидкостью, — добавил коллега и легонько потряс сосудом возле уха.

— Да еще в придачу новейшее оружие, — в свою очередь показал шатен на пару лежащих рядом автоматов.

— Да, мужички явно не из здешних мест, — вставая, кивнул тощий сотрудник контрразведки и, обращаясь к спецназовцам, приказал: — Помогите-ка загрузить этих двух голубчиков в вертолет. А снаряжение с оружием мы соберем сами...

Спустя десять минут «вертушка» была готова к вылету — экипаж занял место в пилотской кабине; все пассажиры, кроме толстого шатена, расселись на откидных сиденьях транспортной кабины; прихваченный контрразведчиками «багаж» покоился на полу у желтой топливной бочки.

— Значит, так, — обратился шатен к Миронову, стараясь перекричать завывшие турбины авиацион-

ных движков, — тебе за чрезмерное усердие из нашего ведомства придет соответствующий «привет» в виде... как минимум строгого выговора, а то и служебного несоответствия. А с этим, — он кивнул на собиравшего винтовку снайпера, — с этим разберись и накажи своей властью. Понял?

— Так точно, — угрюмо ответил офицер спецназа.

Вскоре «восьмерка» взмыла с вершины перевала и, медленно развернувшись кургузым телом, взяла курс на север — в глубь страны.

Да, отдавая приказ командиру группы об уничтожении каравана, начальство обмолвилось: постарайся кого-нибудь из бандитов взять живьем. «Постарайся... Легко сказать! — послал капитан смачный плевок вслед улетевшей «вертушке». — Тебя бы, жирная сучара, сюда — под пули тех скорострельных автоматов! Посмотрел бы я на твои широкие штаны. И на то, как бы ты выполнил такой приказ».

— Группа, в одну шеренгу становись! — повернувшись к бойцам, скомандовал он и посмотрел на заходящее за горные пики солнце.

Через полчаса стемнеет, а им с оставшимися погранцами и с кучей трофейного оружия еще нужно успеть добраться до ближайшей заставы — ведь ночью «вертушки» в горах не летают.

Бойцы построились и ждали дальнейших указаний; вид у всех был уставший, измотанный — шесть часов утомительного перехода по горам, потом затяжной бой; а впереди опять маячит долгая дорожка. Хорошо еще, обошлось без серьезных потерь — двоих слегка зацепило в перестрелке, но это не страшно.

УРАНОВЫЙ ДИВЕРСАНТ

— Сержант Рябина, — назвал Миронов снайпера.

— Я, — невесело откликнулся тот, вероятно, предчувствуя неизбежную неприятность.

— Выйти из строя.

— Есть.

Снайпер сделал три шага вперед и развернулся лицом к товарищам. Все затихли, ожидая очередную несправедливость, ниспосланную через их командира вечно недовольными верхами.

Капитан помолчал, все так же шурясь и посматривая на красноватые от вечернего солнца склоны...

Но внезапно, будто очнувшись от невеселых дум, отчеканил:

— Р-равняйсь! Смирно! За добросовестное исполнение служебных обязанностей объявляю вам благодарность.

И хлопнул тяжелой ладонью по плечу сержанта. Хлопнул и посмотрел твердо, с верою в свою правоту.

Сей же миг на измученных и чумазных лицах появились улыбки; по шеренге прошел одобрителный гул. Сержант в растерянности глянул на офицера, но тут же спохватился и четко ответил по Уставу:

— Служу России!

— Становись в строй, — кивнул командир и обратился ко всем: — Так, парни, эмоции в сторону. «Вертушка» до темноты за нами не поспеет, поэтому десять минут на сборы, и в путь-дорожку — до заставы. Погранцы обещали на ночь приютить, а утречком двинем домой. У меня все. Вольно. Разойдись...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Россия, Москва

23 июня

— Принцип, мои дорогие! Все дело в принципе. Или в глобальной кадровой стратегии, если хотите. Японский конспиратор... — вставив свое любимое выражение и откинувшись на спинку удобного кресла, рассуждал Александр Сергеевич. — Русские разведчики всегда давали фору оппонентам в странах, составляющих круг наших интересов. Вы должны знать: мы всегда были лучше тех, кто служил Западу, потому что люди, которые идут работать к нам, имеют более высокий уровень образования, чем их коллеги в Штатах. Это престижно — служить в русской разведке. Почему так? — насмешливо смотрел он на двух молодых людей. И сам же отвечал: — Да все очень просто — если ты был умным в Советском Союзе, то рвался работать в разведке; если же ты умный в Штатах, то организуешь собственный бизнес. Все просто.

Двое молодых крепких мужчин и симпатичная девушка слушали пожилого собеседника с интересом. Или делали вид...

Внешность майора Артура Дорохова чем-то особенным не отличалась — обычный парень, каких в густонаселенной Европе миллионы. Крепкая фигура среднего роста, коротко подстриженные и слегка выгоревшие от долгого пребывания под южным солнцем волосы; опять же типичное для европейцев лицо с прямым носом, чуть полноватыми губами, высоким лбом и усталым взглядом светло-серых глаз. «Особых примет не имеет», — примерно так бы

оценили подобный типаж в полицейском участке любого города, любого государства.

Пожалуй, капитан Александр Осишвили выглядел поярче: черноволос, высок ростом, отчего казался худощавым, улыбчив и говорлив. А временами жутко вспылчив. Давний напарник и лучший друг Артура был подвижным, смуглолицым парнем двадцати пяти лет от роду. Переехав в Россию из Грузии в десятилетнем возрасте, Сашка говорил по-русски без акцента, хотя внешность и темперамент с лихвой выдавали кавказские корни. Заикание — следствие жуткой контузии годичной давности, понемногу проходило; речь становилась живее и правильнее.

И, наконец, Ирина Арбатова. Стройная сероглазая красавица, непостижимым образом умевшая в короткий срок менять свою внешность...

Генерал разведки тяжело вздохнул, провел пальцами по массивному подбородку. И продолжил с тем же энтузиазмом:

— Раньше все сидели на жопе ровно и не дергались, а теперь многие офицеры советской разведки стали успешными бизнесменами. И, разумеется, не самые худшие. Британия, Южная Африка, те же Штаты — везде полно наших бывших агентов. Кто-то открыл частные службы безопасности; кто-то, используя старые связи, торгует, совершает баснословные сделки... И думают они не об интересах России, а о том, как побольше срубить бабла. Но это еще полбеды! Находятся некоторые ублюдки, дела у которых в бизнесе не складываются, вот и начинают из какого-нибудь заплесневелого Лондона показательно закидывать старых товарищей говном в радиусе

поражения. И это уж точно становится для нас проблемой...

Беседа в уютном номере закрытого подмосковного профилактория продолжалась третий час. Кажется, генерал наведаясь к отдохавшим подчиненным неспроста. Конечно, по МКАД от штаб-квартиры СВР до уютного профилактория — не больше часа езды. Однако даже этого времени у Александра Сергеевича никогда в запасе не было.

Но что-то ходит, крутит вокруг да около. А дела не говорит...

Понятно, что скоро огорошит. А пока пространная беседа не касалась конкретики, Артур сидел рядом со старым приятелем Сашкой и слушал вполуха...

Ужасно хотелось курить, да вот беда — генерал не поддавался вредной привычке и не переносил запаха табачного дыма. Приходилось терпеть и слушать разгневанный голос. Оттого в голову и лезли всякие мысли. Дорохов не противился им, а, наоборот, с удовольствием вспоминал, удивляясь неожиданным поворотам в своей и Сашкиной жизни.

Теперь приятелям приходилось выполнять совершенно иные задачи, нежели год или два назад. К тому же чеченская война, изрядно полоснувшая по судьбе обоих, затухала. Однако в своих воспоминаниях и снах друзья частенько возвращались в тамошние леса и горы. Возвращались, дабы мысленно совершать изнурительные марш-броски, устраивать засады на караванных тропах, участвовать в ночных операциях... Но главное — четко видеть при этом врага. Ведь в нынешней работе враг присутствовал лишь номинально. О его наличии необходимо было